

JAHRBUCH FÜR DEUTSCHE GESCHICHTE

1 9 7 3

VERLAG · НАУКА ·

Moskau

1974

ЕЖЕГОДНИК ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

Москва

1974

СОДЕРЖАНИЕ

■	СРЕДНИЕ ВЕКА	
	<i>А. И. Неусыхин</i>	
	Крестьянские движения в Саксонии в IX—XI вв.	5
■	НОВОЕ ВРЕМЯ	
	<i>И. Л. Васильев</i>	
	Демократические организации Рейнской провинции и Вестфалии в период революции 1848—1849 гг.	33
	<i>В. В. Чубинский</i>	
	Работа В. Либкнехта «Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений!» и борьба против оппортунизма в германской социал-демократии	54
	<i>Х. Вольгемут (ГДР)</i>	
	Первые контакты Карла Либкнехта с большевиками (1903—1904 гг.)	70
	<i>А. Б. Цфасман</i>	
	Католическая партия Центра и рабочий класс накануне первой мировой войны	87
	<i>А. С. Силин</i>	
	Англо-германская борьба за турецкий флот накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.)	105
	<i>Б. А. Айзин</i>	
	Марокканский кризис 1911 г. и германская социал-демократия	137
■	НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ	
	<i>А. Г. Слуцкий</i>	
	Франц Меринг и революционный пролетариат России (1917—1918 гг.)	182
	<i>В. Н. Садилов</i>	
	Пережитки феодализма в Пруссии и прусское законодательство (1919—1932 гг.)	193
	<i>С. В. Никонова</i>	
	Европейская политика Германии и ее вступление в Лигу Наций (1924—1926 гг.)	207

	<i>Л. И. Гинцберг</i>	
	Пересмотр плана Дауэса и Парижская конференция экспертов 1929 г.	236
	<i>А. А. Аникеев</i>	
	Аграрная политика и положение крестьянства в период гитлеровской диктатуры	273
	<i>Г. Шеель (ГДР)</i>	
	Из истории антифашистской организации Шульце-Бойзена — Харнака	301
	<i>Х. Бартель (ГДР)</i>	
	Помощь советских ученых в становлении и развитии исторической науки в ГДР	309
	<i>А. И. Борозняк</i>	
	К истории формирования ХДС—ХСС	317
	<i>Л. П. Леволкина</i>	
	Место ФРГ в системе «коллективного» колониализма в период правления ХДС—ХСС (1951—1966 гг.)	339
■	СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ	
	Письма Розы Люксембург германским социал-демократам (1901—1917 гг.)	348
	Некоторые публикации Эрнста Тельмана в советской периодической печати 20-х годов	362
	<i>Я. С. Лялька</i>	
	Борьба Коммунистической партии Западной Украины за освобождение Эрнста Тельмана (1933—1935 гг.)	386
	<i>Г. Хасс (ГДР)</i>	
	Планы ограбления советской экономики германскими монополиями (1941 г.)	397
	<i>А. М. Шевченко</i>	
	Национальный комитет «Свободная Германия» в действии	402
	ИСТОРИОГРАФИЯ	
	<i>Д. Фрикке (ГДР)</i>	
	Основные вопросы марксистско-ленинского анализа характера буржуазных партий	411
	<i>А. В. Родионов</i>	
	Бисмарковская традиция в историко-политической концепции Фридриха Мейнеке	431
■	ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	
	<i>Н. П. Розова</i>	
	Изучение германской истории в СССР и ГДР в 1972 г.	458
■	БИБЛИОГРАФИЯ	474

ПИСЬМА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ ГЕРМАНСКИМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ

(1901—1917 гг.)

В марте 1971 г. международное коммунистическое и рабочее движение отметило 100-летие со дня рождения Розы Люксембург, выдающейся деятельницы польского, германского и международного рабочего движения. В. И. Ленин считал ее своим соратником в борьбе против империализма и оппортунизма за победу социалистической революции. Видя в Розе Люксембург «выдающегося представителя революционного пролетариата и нефальсифицированного марксизма»¹, Ленин отмечал ее вклад в разработку многих важных вопросов революционной стратегии и тактики пролетариата. Вместе с тем он подверг справедливой критике ее ошибки по вопросам об организационных принципах революционной пролетарской партии, о расколе в РСДРП, по национальному вопросу и по некоторым другим проблемам. Однако В. И. Ленин считал, что не ошибки, а крупные революционные заслуги Р. Люксембург определяют ее место в истории рабочего движения. Подводя в 1922 г. итоги ее деятельности, В. И. Ленин дал высокую оценку ее литературного наследия и назвал ее «орлом» и «великой коммунисткой»².

Объективный анализ произведений Р. Люксембург, который дан в работах историков СССР, ГДР, Польши и марксистов других стран, не только раскрывает ее роль в разработке революционной марксистской теории, но и показывает на конкретных материалах несостоятельность утверждений многих буржуазных историков, реформистов и ревизионистов, изображающих ее идеологом «демократического социализма» и принципиальной

противницей ленинизма и современного коммунистического движения³.

На русском языке издана лишь небольшая часть произведений Р. Люксембург и ее эпистолярного наследия. Публикуемые ниже впервые на русском языке ее письма взяты нами главным образом из опубликованного в 1950 г. сборника писем к друзьям⁴. Эти письма были собраны и подготовлены к печати Луизой Каутской, но она не успела их опубликовать. Они были изданы ее сыном Бенедиктом Каутским по машинописным копиям, найденным им в 1949 г. в фондах Международного института социальной истории в Амстердаме. Письма № 1 и 10 взяты нами из публикации писем Р. Люксембург в органе названного выше института⁵.

Публикуемые ниже письма Р. Люксембург ярко показывают ее решительную, принципиальную борьбу против империализма и различных форм оппортунизма в рабочем движении (письма № 1, 2, 4, 8), ее полную солидарность и тесную связь с революционным движением в России, которое она называла «нашим собственным делом» (№ 3, 4, 6 и 10). В публикуемых письмах сообщаются также малоизвестные факты о революционной деятельности Р. Люксембург, связанные с ее участием в русской революции 1905—1907 гг.

Письмо № 1 представляет собою заявление Р. Люксембург в редакцию газеты «Vorwärts», написанное после Любекского партийного съезда СДПГ в сентябре 1901 г. На этом съезде некоторые делегаты, принадлежавшие к реформистскому течению, в том числе член социал-демократической фракции рейхстага Рихард Фишер, резко критиковали Р. Люксембург за ее решительные выступления в социал-демократической печати против ревизионизма и реформизма. Более того, Фишер обвинил Р. Люксембург в фальсификации взглядов Мильерана и баденских социал-демократов — депутатов ландтага, проголосовавших за утверждение бюджета своего государства. В заявлении Р. Люксембург потребовала от Фишера доказательств его голословного обвинения.

Письмо № 2 написано, очевидно, в июле 1905 г. и адресовано Артуру Штадтхагену (депутат рейхстага, один из редакторов «Vorwärts», до первой мировой войны принадлежал к левому течению в партии). Р. Люксембург возражает в нем против приглашения Жана Жореса в Берлин для выступления на народном

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 371.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 422.

³ См., например: E. Fischer. Rosa Luxemburg.—«Wiener Tagebuch», 1970, N 3; I. Ossowski. Rosa Luxemburg. Eine Streitschrift. Frankfurt, 1971; G. Schmidt. Rosa Luxemburg zwischen Ost und West.—«Aus Politik und Zeitgeschichte». Bonn, 18.IV 1970; H. Wilde. Rosa Luxemburg: Ich war, ich bin, ich werde sein. Eine Biographie. Wien — München — Zürich, 1970.

⁴ R. Luxemburg. Briefe an Freunde. Nach dem von Luise Kautsky fertigestellten Manuskript, herausgegeben von Benedikt Kautsky. Hamburg, 1950.

⁵ «International Review of Social History». Amsterdam, vol. VIII, 1963, part 1.

собрании по вопросу о военной опасности в связи с первым Марокканским кризисом и за приглашение на то же собрание Жюльета и Эдуарда Вайяна. Чем объяснялась ее позиция? Известно, что Жорес сыграл выдающуюся роль в борьбе против военной опасности, особенно в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Но в письме Люксембург говорится о выступлениях Жореса весной и летом 1905 г., когда в его речах проявлялось отсутствие классового подхода к внешней политике Франции и ее идеализация⁶. Ж. Гед и Э. Вайян в это время оценивали внешнюю политику своей страны с пролетарских классовых позиций.

Письма № 3—9 написаны Р. Люксембург во время ее пребывания в России в 1906 г. Приехав по фиктивному паспорту в Варшаву, она в январе-феврале 1906 г. принимала активное участие в работе правления СДКПиЛ и ее печатного органа «Червоны штандар». В начале марта она была арестована. Руководство польской социал-демократии пыталось организовать ее побег из тюрьмы, но после ее перевода в известный 10-й павильон Варшавской цитадели от этих планов пришлось отказаться⁷. В конце июня в результате настойчивых действий членов СДКПиЛ и в связи с ухудшением здоровья Р. Люксембург была освобождена из заключения под большой денежный залог⁸. Вскоре она добилась разрешения на выезд из Варшавы и поселилась под Петербургом в дачном поселке Куоккала. Находясь здесь, она приняла участие в проходившей в это время в германской социал-демократической партии дискуссии о массовой политической стачке. Здесь ею была написана брошюра «Массовая стачка, партия и профсоюзы».

Публикуемые письма адресованы уже известному нам А. Штадтхагену и Эммануилу Вурму, одному из редакторов журнала «Neue Zeit». Из Куоккалы Р. Люксембург часто ездила в Петербург и встречалась там, как она писала, «со всеми друзьями». Известно, что во время этих поездок, а также в самой Куоккале она летом и осенью 1906 г. неоднократно встречалась и с В. И. Лениным. Их беседы касались российского и международного рабочего движения⁹.

⁶ См. Н. Молчанов. Жорес. М., 1969, стр. 323. В 1908 г. в некоторых выступлениях Жореса нашла свое выражение идеализация Антанты, которую он называл «гарантией международного мира». Люксембург решительно выступила против такой характеристики этого империалистического союза в «Открытом письме Жану Жоресу», опубликованном в «Neue Zeit» (1908, Jg. 26, Bd. 2, № 43). В. И. Ленин высоко оценил это письмо Р. Люксембург (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 195—196).

⁷ См. об этом подробнее: Я. Ганецкий. Арест Розы Люксембург (Варшава, 1906 год). — «Красная новь», 1929, кн. 2.

⁸ Как вспоминал впоследствии Я. Ганецкий, этот залог был внесен правлением СДКПиЛ (там же, стр. 138).

⁹ «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника», т. 2. М., 1971, стр. 269, 273.

В письме № 7 Р. Люксембург просит Штадтхагена выяснить, не грозит ли ей в случае возвращения в Германию опасность немедленного ареста по решению Веймарского суда, который ранее рассматривал ее дело по обвинению в революционных выступлениях в 1905 г. В тот момент у этого суда, по всей вероятности, не было достаточных оснований для ее ареста. Но вскоре после ее возвращения в Германию в декабре 1906 г. этот суд приговорил ее к двум месяцам тюремного заключения за «подстрекательство к мятежу» в речи на Иенском партийном собрании в сентябре 1905 г.

Письмо № 10 написано через 10 с лишним лет, в апреле 1917 г., в крепости Вронке, где Р. Люксембург отбывала тюремное заключение, и адресовано Луизе Каутской — жене Карла Каутского. Роза Люксембург была дружна с Л. Каутской с 1898 г. и не прерывала дружеских отношений и переписки с ней и после политического разрыва с Карлом Каутским в связи с его переходом на позиции центризма в 1910 г. В письме ярко выражены восторженное отношение Р. Люксембург к победе Февральской революции в России и вера в революционные потенции российского пролетариата, его всемирно-историческую миссию. Интересны мысли Р. Люксембург о факторах, влияющих на ход исторического процесса. Она подчеркивала решающую роль объективных факторов и вместе с тем резко осуждала «фаталистический оптимизм» Карла Каутского. Написанное после года и девяти месяцев тюремного заключения, это письмо убедительно свидетельствует об исключительной стойкости, самообладании и мужестве Р. Люксембург, о ее жизнерадостности, революционном оптимизме, тонком восприятии природы и незаурядном литературном таланте.

Перевод писем с немецкого языка сделан Г. Я. Рудым. Их отбор и комментарии принадлежат нам.

В. В. Чистяков

№ 1

ЗАЯВЛЕНИЕ (В РЕДАКЦИЮ «VORWARTS»)

[1 октября 1901 г.]

Поскольку мне пришлось еще в среду 25 [сентября], до начала утреннего заседания, покинуть [Любекский] съезд партии, чтобы выехать в Познань для участия в судебном процессе^{1*}, я оказалась не в состоянии ни защитить свое предложение относительно голосования по вопросу о бюджете², ни лично присутствовать при нападках на меня, имевших место на заседании в среду.

Правда, я уже давно имею привычку считать чисто личные выпады против меня не заслуживающими ни единого слова

* См. примечания в конце публикации.

ответа, ибо просто-напросто игнорирую ту ненависть, которой меня упорно удостаивает определенная сторона и которая является лишь выражением политической враждебности.

Однако на сей раз я должна сделать исключение из этого правила, а именно в отношении деп[утата] Р. Фишера, ибо атаки и т. п. против меня, в которых некоторые делегаты во время обсуждения прессы дали простор своим чувствам, выходили за рамки нападок только на мою личность и имели своей явной целью поставить под сомнение литературную и политическую компетентность того направления, которое в числе других представляю я.

Деп[утат] Фишер (Берлин), согласно отчету, опубликованному в «Vorwärts», сказал, в частности, следующее: «Можно со всей резкостью отстаивать какую-либо точку зрения, но нельзя фальсифицировать высказывания товарищей и лишь с намерением поупражняться в остроумии заниматься казустикой, приписывать и фальсифицировать, действовать таким образом (sic!), как это делала товарищ Люксембург в вопросе о Мильеране³ и совершенно классически — в последнем номере «Neue Zeit»⁴.

Настоящим я публично призываю деп[утата] Р. Фишера представить доказательство истинности своих утверждений, а именно указать те места моей статьи по вопросу о Мильеране, а также относительно голосования по бюджету в баденском ландтаге, где я якобы «фальсифицировала» и «приписывала».

Если же он не последует этому призыву, я буду вынуждена назвать его подобающим в таких случаях именем.

Берлин, Фриденау, 1 октября 1901 г.

Роза Люксембург.

«International Review of Social History»,
1963, vol. VIII, part, 1, p. 107—108.

№ 2

АРТУРУ ШТАДТХАГЕНУ

[Июль 1905 г.]

Дорогой Артур! Вы, вероятно, прочли в сегодняшнем вечернем выпуске «Tageblatt», что Жорес, приглашенный редакцией «Vorwärts», должен 9-го прибыть в Берлин для участия в собрании. Тем самым господа Эйхнер и Граднауэр⁵ снова нанесли удар, причем, как пишет «Humanité», «от имени берлинских социалистов». Население Фриденау* заявляет, что эту интригу надо сорвать по меньшей мере приглашением на то же самое

* Район Берлина.

собрание Геда и Вайяна, которые как раз в вопросах внешней политики и по всему своему мировоззрению гораздо ближе берлинцам, чем Жорес с его политиканством; кстати, особенно в марокканском вопросе он своими аршинными статьями полностью сближается с официозной прессой, поднявшей дикий шум.

Итак, если вы придерживаетесь того же мнения, немедленно обрисуйте берлинцам положение дел и предложите, чтобы берлинцы пригласили обоих названных выше деятелей (написать им следовало бы по-французски).

С горячим приветом
Ваша Роза.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde.
Hamburg, 1950, S. 32.

№ 3

ЭММАНУИЛУ ВУРМУ

[Варшава], 8.VII [19]06 г.

Дорогой, глубокоуважаемый товарищ!

Большое спасибо за Ваше доброе письмо. На Ваш вопрос относительно предъявленного мне обвинения я ответить не могу, так как до настоящего времени сама еще не получила его! Прокурор лично сказал мне, что ему самому, вкупе с жандармами, пока еще не ясно, какое именно обвинение против меня должно быть возбуждено. Меня отпустили под залог 3000 рублей с обязательством не выезжать из Варшавы, иначе залог пропадет. Ваши советы насчет поездки с целью отдыха полностью совпадают с тем, что мне рекомендуют здешние друзья, но в данный момент я все еще колеблюсь по причинам, о некоторых из которых я упоминала выше, и по некоторым, которые здесь я назвать не могу. Тем не менее хочу в ближайшие дни принять окончательное решение и, само собою разумеется, сообщить его Вам, как только окажусь по ту сторону добра и зла. За Ваши усилия, предпринятые для получения свидетельства от полиции-президиума, а также во всем этом деле — сердечное спасибо. Хотя физически я слаба и выгляжу, как мне говорят, очень желтой, чувствую себя настолько бодрой и жаждущей дела, что надеюсь в работе скоро позабыть и о «желтизне», и о слабости. Общая ситуация отлична, обстановка все больше обостряется и со всей силой толкает к энергичному решению. Я нашла все в гораздо лучшем состоянии, чем опасалась, и это дает мне бодрость и радость.

Горячий привет Вам и Вашей дорогой жене.
Ваша Р.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 41.

[Варшава], 18.VII [19]06 г.

Дорогой Эмлю, дорогая Тильда!

Сердечная благодарность за Ваше подробное сообщение! Наконец-то я знаю, что творится на белом свете. Предыдущие письма от вас, а также от К[аутских] пропали, и теперь выясняется, что мой собственный адрес — самый надежный. В частности, я впервые узнала о несчастье с Луизой [Каутской] * и, можете себе представить, как перепугалась, пусть даже *post factum* **. Что касается меня, то я вознамерилась покинуть сии гостеприимные края и как только окажусь *au bon port* ***, сразу же напишу Вам. Я вся горю жаждой работы и желанием писать, а также, между прочим, стремлением с наслаждением включиться в дебаты о всеобщей забастовке. Потерпите всего несколько дней, пока я не обрету надежной крыши над головой и более благоприятных условий для работы, ибо здесь беготне в жандармерию, прокуратуру и по другим столь же приятным заведениям конца и края не видно.

Недавние «баталии» в партии меня, извините, просто насмешили, заставили до чертиков хохотать над этими потрясшими мир событиями, что разыгрались между Линденштр[ассе] и Энгельуфер⁶ и вызвали целую бурю! Но как же выглядит подобная «буря», когда смотришь на нее отсюда!.. Здесь переживаемое нами ныне время великолепно, т. е. я называю великолепным такое время, которое выдвигает массу проблем и проблем огромных, прищипывает мысль, возбуждает «критику, иронию и понимание более глубокого смысла», подхлестывает страсти и прежде всего — время плодотворное, «беременное», ежечасно рождающее новое и после родов — еще более «беременное», причем рождающее не дохлых мышей или околевших мух, как в Берлине, а сплошь одни колоссальности, как-то: колоссальные преступления (*vide* **** [царское] правительство), колоссальные скандалы (*vide* Дума), колоссальные глупости (*vide* Плеханов и К⁰). Я просто-таки дрожу от нетерпения хорошенько нарисовать картину всех этих гигантских событий, само собою разумеется, в первую очередь на страницах «N[eu]e Z[eit]». Так оставьте же для меня соответствующее им колоссальное место!

Вашим любезным предложением снабжать меня газетами, «N[eu]e Z[eit]» etc. я воспользуюсь самым широким образом, но только после того, как переселюсь на новое местожительство. Посылать что-либо сюда бессмысленно. Основательное улучшение

* Перелом ноги.

** после свершившегося факта (лат.).

*** в надежной гавани (фр.).

**** читай (лат.).

ние Вашего здоровья, дорогой Эмил, меня глубоко радует, держитесь молодцом и дальше, не переутомляйтесь, а особенно не позволяйте ничему удручать Вас. Революция великолепна, а все прочее — ерунда!

Множество сердечных приветов Вам обоим, а также Артуру [Штадтхагену].

Остаюсь Ваша
Роза.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 42—44.

А. ШТАДТХАГЕНУ

[Куоккала] 11.VIII [19]06 г.

Дорогие товарищи!

Наконец-то я обрела тихую гавань, во всяком случае пока она кажется мне тихой. Жду здесь определенных вестей от Артура и др. насчет того, могу ли я и когда именно вернуться в Берлин. Тем временем хочу кое-что написать для «V[orwärts]» и прошу Вас отныне ежедневно присылать мне «V[orwärts]». Мой адрес (также и для писем): Куоккала, *via* Гельсингфорс, Финляндия, Песчаная дорога, дача Чернингс, № 4, Фелиции Будилович (больше ничего указывать не надо). Прошу Вас, пишите мне и о делах в «V[orwärts]» и об общем положении в партии.

С сердечными приветами
Ваша Р.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 35.

А. ШТАДТХАГЕНУ

Куоккала, 13.VIII 1906 г.

Уважаемый друг!

Мой адрес: Финляндия, Куоккала, *via* Гельсингфорс, Песчаная дорога, дача Чернингс, № 4, для Фелиции Будилович. Ваше письмо, посланное в В[аршаву], я получила, но все еще не поняла из него, когда же смогу вернуться *ad penates* *. Думайте о Мангейме⁷. Полномочия подпишу охотно, пришлите, пож[алуейста], бланк⁸. Я нахожусь здесь в самой непосредственной бли-

* домой (лат.).

зости от Пет[ербурга] и встречаюсь со всеми друзьями. Дай бог скоро увидеться!

С сердечными приветами!

Роза.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 35.

№ 7

А. ШТАДТХАГЕНУ

[Куоккала, август 1906 г.]

Глубокоуважаемый друг! Оба письма из Г[ельголанда] получила. Также и бланки желаемого полномочия, причем даже двух форматов.

У меня нет никаких опасений на тот счет, что русская ист[ория]⁹ могла бы иметь какие-либо последствия в Пруссии; для меня важно лишь одно: не заподозрит ли Веймар ввиду русской «эскапады» попытку к бегству и не распорядится ли он сразу в собственных интересах насчет «шведских гардин»*. Веским доводом служит предостережение, которое я sub sigillo** строжайшей тайны получила от одного высокопоставленного господина в Вар[шаве]: со стороны Пруссии секретным образом было выражено пожелание, чтобы меня доставили на пр[усскую] границу, причем отправили бы туда еще «до начала сессии рейхстага». Возможно, это всего-навсего глупая болтовня. Но поскольку меня настойчиво предостерегали также Август [Бebel] и Карл [Каутский], я осторожности ради хотела бы при Вашей любезной помощи сначала выяснить все в точности. Стремлюсь быть в Мангейме во что бы то ни стало, а потому дело не терпит. Я жива-здорова и работаю, чтобы наверстать упущенное за время долгого бездействия.

Серд[ечный] привет
Р.

(Писать на конверте «Господину» Буд[иловичу] не следует, так как фамилию эту носит Ваша преданная подруга собственной персоной).

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 36.

№ 8

А. ШТАДТХАГЕНУ

[Куоккала, конец августа 1906 г.]

Глубокоуважаемый, дорогой друг!

Все Ваши письма получила, но по Вашему же собственному указанию направила свой ответ вместе с полномочиями по Ва-

* Тюремная решетка (разг.). Подразумевается опасность тюремного заключения Р. Люксембург по решению Веймарского суда.

** при условии сохранения (лат.).

шему берлинскому адресу. Поскольку Вы, как Вы пишете, до 6.XI останетесь в Гельголанде, не знаю, сможете ли Вы до тех пор предпринять необходимые шаги по моему делу или же нет. Хотелось бы как можно скорее узнать, что я могу спокойно вернуться домой! Впрочем, полностью полагаюсь на Вас.

Я уже получила здесь важнейшие материалы последней дискуссии¹⁰, и у меня сложилось впечатление, что в М[ангейме] нужно будет внести полную ясность. Гамбургцы, как они мне писали, совершенно недовольны нерешительным подходом [к данному вопросу] со стороны «Vor[wärts]»: «Ходят вокруг да около, как кот вокруг горячей каши», — пишет мне Штенгеле¹¹. Это разумеется, указание Августа [Бebel], постоянно призывающего других к «сдержанности», чтобы самому обрушиться, как ураган. Правда, никогда не знаешь заранее, в какую сторону ударит молния его грозы... В оценке общего положения я полностью согласна с Вами, я тоже уверена в том, что за последний год сознание широких масс сделало колоссальный шаг вперед.

Менее отраднo то, что Вы пишете лично о себе. Представляю, сколько здоровья отнимает у Вас «Vor[wärts]». Я тоже тогда совершенно выбилась из сил и пришла в себя, только оказавшись в свежей струе. Хотя сейчас я очень беспokoюсь и нервничаю — вечная неопределенность моего положения и многое другое способствуют этому, — но духовно бодра и полна жажды деятельности, как и прежде. Рассчитываю, что оба мы в добром здравии увидимся в М[ангейме] — отчасти это зависит от Вас!.. Итак, жду от Вас определенных вестей.

С сердечными приветами и до скорой встречи
Ваша Р.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 37—38.

№ 9

А. ШТАДТХАГЕНУ

[Куоккала], 11.IX 1906 г.

Дорогой друг!

Большое спасибо за письмо и депешу. Выезжаю отсюда в четверг прямо в Гамбург, где, вероятно, пробуду несколько дней, а потом отправлюсь дальше — в Берлин. Дальнейшую поездку мы совершим, наверно, вместе?¹² Очень радуюсь нашей предстоящей встрече. Следуя Вашим инструкциям, ничего не предпринимаю, а последующее будет ясно на месте. Недеюсь, неделя в М[ангейме] не будет мне испорчена, от этого тоже многое зависит.

Итак, дорогой друг, а rivederci* очень скоро!
Ваша Роза.

Rosa Luxemburg. Briefe an Freunde, S. 38.

* до свидания (итал.).

ЛУИЗЕ КАУТСКОЙ

Вронке¹³, 15 апреля 1917 г.

Дорогая Лулу!

Твое короткое письмецо, написанное перед пасхой, очень взволновало меня своим крайне подавленным тоном, и я тотчас же решила устроить тебе еще раз небольшую головомойку. Скажи мне, как ты только можешь, будто печальная цикада, и дальше тянуть свою тоскливую песенку в то время, как из России доносится такое звонкое пение жаворонков? Неужели ты не понимаешь, что это наше собственное дело побеждает и торжествует там, что это сама мировая история вышла там на битву и в радостном упоении танцует Карманьолу? Разве не стоит позабыть обо всех своих личных горестях, видя, что общее дело так успешно идет вперед? Я знаю, тебя угнетает то, что именно сейчас я не на свободе и не могу собирать воедино разлетающиеся там искры, не могу помогать и направлять, как там, так и в других местах. Да, конечно, это было бы прекрасно, и ты можешь представить себе, как кипит кровь в моих жилах и каждая весть оттуда пронизывает меня до кончиков пальцев, словно удар тока. Но вынужденное бездействие не делает меня ни на йоту печальнее, и мне даже в голову не приходит тяжело вздохнуть по поводу того, что сама я все равно ничего изменить не в силах, и отравлять себе радость происходящего.

Видишь ли, из истории последних лет, а если бросить ретроспективный взгляд дальше — из истории в целом, я сделала вывод, что не надо переоценивать деятельность отдельной личности. В сущности действуют и решают огромные, невидимые, плутонические глубинные силы и все в конечном счете становится на свое место «само собою». Не пойми меня превратно: я вовсе не выступаю в защиту удобного фаталистического оптимизма, который стремится завалулировать собственную импотентность и который столь ненавистен мне именно у твоего глубокоуважаемого супруга. Нет, нет, я постоянно начеку и при первой же возможности хочу ударить по клавишам всемирного рояля всеми десятью пальцами, да так, чтобы он загудел. Так вот, раз я нахожусь «в отпуске» у мировой истории не по своей вине, а под давлением внешних обстоятельств, я весело смеюсь, радуюсь, пусть даже дело идет без меня, и непоколебимо верю, что все будет хорошо. История всегда находит наилучший выход там, где она, казалось бы, зашла в самый безнадежный тупик.

Дорогая моя, тот, у кого есть дурная привычка в любом цветке искать каплю яда, всю свою жизнь находит причину для тяжелых вздохов. Но подойди к вещам с другой стороны и ищи в любом цветке мед — тогда ты всегда найдешь причину быть веселой. К тому же, поверь мне, время, которое я — как и другие — провожу за решеткой, тоже не потеряно даром. Оно еще как-то

даст себя знать по большому общему счету. Я думаю, что каждый просто-напросто должен, не слишком хитря и ломая над этим голову, жить так, как он сам считает правильным, и не ожидать притом, что ему сразу же заплатят за все наличными. Все как-нибудь придет к своему концу. А если нет — мне «тоже наплевать»; я радуюсь самой жизни, каждое утро тщательно осматриваю почки на всех моих кустах; каждый день навещаю красную божью коровку с двумя черными пятнышками на спине — вот уж целую неделю я сохраняю ей жизнь, укрыв на ветке куском теплой ваты; разглядываю облака — какие они вечно новые и всякий раз еще более красивые — и чувствую себя в общем и целом ничуть не более значительным существом, чем эта божья коровка, и в этом ощущении малости своей — невыразимо счастливой.

Но особенно поражают облака! Каким неисчерпаемым источником восхищения служат они паре человеческих глаз! Вчера, в субботу, часов в пять пополудни я стояла, опершись на проволочную ограду, отделяющую мой садик от остального двора, и, подставив спину солнцу, глядела на восток. А там, на фоне бледно-голубого неба, громоздилось огромное облако нежнейшего серого цвета, пронизанное легким, как дыхание, розовым отсветом, и все это волшебной силой воображения переносило в какой-то совсем далекий мир, где царят бесконечный покой, милосердие и свобода. Все это было подобно мимолетной улылке, какому-то смутному воспоминанию ранней юности. Похоже на то, как иногда просыпаешься поутру с блаженным чувством, что во сне тебе привиделось что-то прекрасное, а вспомнить никак не можешь. Двор был пуст, а я, как всегда, — одна и всем чужая. Из открытых окон тюрьмы доносилось громыхание субботней уборки и мойки, порой громко раздавался начальственный окрик, а между ними снова и снова слышалось шелканье зяблика, усевшегося где-то высоко на тополе, ствол которого, еще совсем голый, отливал серебром в косых лучах заходящего солнца. Все дышало таким покоем, и я никак не могла оторвать глаз от этого матово-улыбчатого облака, что вздымалось там, в небесной дали; я стояла, словно очарованная, и думала о тебе, обо всех вас: неужели вы не видите, как прекрасен мир? Или у вас не такие же глаза и не такое же сердце, как у меня, чтобы радоваться?

Начала сегодня «Валленштейна» Рикарды Хух¹⁴ и сердечно благодарна тебе за эту книгу. Она невероятно бодрит меня активной работой мысли и столь явно сквозящей из каждой строки радостью описания человеческих судеб. Конечно, это отнюдь не точное историческое исследование; ее понимание истории не имеет под собой никакой научной базы, является насквозь дилетантским и по большей части просто ложным. Но для меня человека, как и книгу, определяют не взгляды, а основной материал, из которого сделаны и человек, и книга. Даже совсем неправильные

взгляды не мешают мне, если только я вижу внутреннюю честность, живую интеллигентность и творческую радость восприятия мира и жизни. Как это прекрасно, когда все еще находишь совсем рядом людей, дающих радость!..

Твой тома «Наследия» [Маркса и Энгельса]¹⁵ я, разумеется, охотно предоставляю Юлеку¹⁶, но подожду до следующего свидания, ибо по почте, учитывая, что отправителем являюсь я, они не столь наверняка попадут в его руки. Как думаешь ты? К тому же я даже не знаю его адреса. Возможно, скоро сама смогу вручить их тебе. Будем надеяться. Известить меня сразу, как только узнаешь.

Свой перевод¹⁷ хочу теперь ускорить; последние месяцы работала плохо, намерена исправиться. Итак, прояви ко мне терпение.

То, что ты теперь в таких хороших отношениях с Матильдой Я[коб]¹⁸ (о чем и она с восторгом сообщает мне), для меня сущее благодеяние. И в этом случае ты тоже убедишься в том, во что твердо верю я: людей можно правильно понять, только если любишь их.

Так вот, будь веселой, слышишь? Не брани серую погоду, а лучше научись понимать, каким прекрасным и многообразным может быть серое небо. И не торопи так нетерпеливо весну, ведь обычно потом все так быстро проходит! А сейчас можно радоваться ожиданию. Напиши мне поскорее, чтобы я увидела, улучшилось ли твоё настроение. Ханнес¹⁹ сообщал мне о вашем — как обычно — неудавшемся randevu на Фридрихштрассе. Я уже радуюсь его возвращению в Познань.

Сердечно обнимает тебя вместе с противным Ежом²⁰. Твоя Р. Передай от меня привет Бенделю²¹, а также Гильфердингу. Генриетта²² тоже могла бы разок написать мне; разумеется, не о политике.

*«International Review of Social History»,
1963, vol. VIII, part 1, p. 103—106.*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Речь идет о судебном процессе против Р. Люксембург по обвинению в оскорблении прусского министра по делам культов в брошюре «В защиту нации», в которой она решительно выступила против политики германизации польского населения Пруссии.
- ² Р. Люксембург официально внесла предложение указать в решении Любекского партийтага 1901 г., что социал-демократы — депутаты ландтагов должны голосовать против принятия бюджетов земель, входящих в Германскую империю.
- ³ Имеется в виду серия статей Р. Люксембург «Кризис в социалистическом движении во Франции», опубликованная в «Neue Zeit» в январе-феврале 1901 г.

- ⁴ Речь идет о статье Р. Люксембург «Партейтаг и одобрение бюджета», напечатанной в «Neue Zeit» в сентябре 1901 г.
- ⁵ Курт Эйсер и Георг Граднауэр — представители реформистского крыла СДПГ.
- ⁶ Имеются в виду правление СДПГ (помещалось на Линденштрассе) и Генеральная комиссия профсоюзов (Энгельсфелд), между которыми до Мангеймского партийтага (сентябрь 1906 г.) существовали не носившие принципиального характера разногласия по вопросу о проведении в Германии массовой политической стачки.
- ⁷ Подразумевается предстоявший в сентябре 1906 г. Мангеймский съезд СДПГ.
- ⁸ Речь идет о предоставлении полномочий А. Штадтхагену для наведения справок по делу Р. Люксембург в Веймарском суде.
- ⁹ Имеется в виду участие Р. Люксембург в революционной деятельности в Варшаве в начале 1906 г.
- ¹⁰ Речь идет о дискуссии в СДПГ о массовой политической стачке.
- ¹¹ Штенгеле — редактор газеты «Hamburger Echo».
- ¹² Имеется в виду поездка на Мангеймский партийтаг.
- ¹³ Вронке — крепость-тюрьма, в которой Р. Люксембург находилась в заключении в 1916—1918 гг.
- ¹⁴ Книга немецкой писательницы Рикарды Хух «Валленштейн. Этюд о характере», вышедшая в 1917 г.
- ¹⁵ «Gesammelte Werke von Karl Marx und Friedrich Engels. 1852—1862», hrsg. von N. Rjasanoff. Die Übersetzungen aus dem Englischen von L. Kautsky, Bd. 2. Stuttgart, 1917.
- ¹⁶ Юлиан Мархлевский — один из руководителей СДКП/Л. С 1895 до 1918 г. жил в Германии под фамилией Карский, являлся активным деятелем левого течения в СДПГ, а позже группы «Спартак». С мая 1916 до мая 1918 г. находился в лагере военнопленных в Германии.
- ¹⁷ Речь идет о книге В. Короленко «История моего современника», над переводом которой Р. Люксембург работала в тюрьме.
- ¹⁸ Матильда Якоб — личный секретарь Р. Люксембург.
- ¹⁹ Ханнес — Ганс Дифенбах, друг Р. Люксембург, в 1917 г. служил военным врачом в Познани.
- ²⁰ Прозвище Ганса Каутского — брата Карла Каутского.
- ²¹ Бенедикт Каутский — младший сын Карла Каутского.
- ²² Генриетта Роланд-Гольст — голландская социалистка. В годы первой мировой войны участвовала в Циммервальдском движении.